

ГОРДОСТЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ИМЯ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА неизменно сопровождается вот уже три четверти века эпитетами, выражающими преклонение перед шаляпинским гением.

Еще никого из певцов не сравнивали с Шаляпиным, да то существу даже трудно себе представить, чтобы на оперной сцене или концертной эстраде выступил чародей, подобный ему.

«Без сомнения, на сцене никогда еще не появлялось существо столь таинственное, артист столь сложный», — писал автор «Вокальных параллелей» некогда модный тенор Джакомо Лаури-Вольпи.

О «таинственности» Шаляпина можно прочитать, впрочем, и в лексикографических трудах. В американской музыкальной энциклопедии Томпсона, например, говорится, что во всех сценах, в которых участвовал Шаляпин, «он непременно доминировал благодаря мощи и магической силе его личности». И как часто приходится читать о том, что Шаляпин завораживал слушателей, приводя их в совершенно необычное восторженное состояние. Еще при жизни Шаляпина имя его стало нарицательным. Когда Капабланка проиграл Алехину матч на первенство мира, то, отвечая на вопросы корреспондентов об особенностях игры своего гениального русского соперника, он кратко ответил: «Господа, я думаю, что он — Шаляпин шахмат!»

Сотни легенд о Шаляпине давно уже стали достоянием меломанов. Из отдельных штрихов понемногу складывается его гигантский, неповторимый образ. Но в дни, когда мы отмечаем 100-летие со дня рождения певца, хочется сказать только о самом главном. Вспомним, что в роскошном памятном альбоме, экземпляры которого дирекция миланского театра «Ла Скала» подносит своим почетным гостям, Эудженю Гара, воздав должное гостю, выступавшему на сцене этого прославленного театра начиная с 1778 года, признал, что «Федор Шаляпин стал чем-то большим, чем великий бас».

Слово «великий» применялось порой вполне заслуженно по отношению ко многим певцам разных национальностей. Но даже это слово оказалось недостаточным для характеристики Шаляпина, данной, подчеркнем это, итальянцем, потому что он — великий — было не так уж мало, а он один. «Более чем великий» — эти слова принадлежат не экзальтированному слушателю, а не людям, заигноризированным «магической силой личности» Шаляпина, а авторитетному историку вокального искусства, написавшему их через восемь лет после того,

как перестало биться сердце русского певца.

Скажем прежде всего о голосе. Шаляпин, как известно, пел не только басовые, но и баритоновые (включая лирические!) партии. Это позволяет говорить об огромном диапазоне его голоса. Но каждый, слышавший певца хотя бы в записи, понимает, что речь идет не только о диапазоне как таковом, но и о несравненном богатстве нюансов, о бесконечном количестве тембров — начиная от поистине металлического звона и грохота волн, так потрясшего Стасова в «Песне варажского гостя» в «Садко» Римского-Корсакова, и кончая пленительной кантиленой «Персидской песни» Рубинштейна.

Такое эмоциональное богатство вокала опиралось у Шаляпина не только на вокальную технику, но и на доведенную до высшей степени совершенства культуру произносимого слова. Именно в связи с этим и следует сказать о национальной самобытности шаляпинского гения. Истоки ее восходят непосредственно к русской народной песне и русской классической музыке — от Глинки до ближайшего друга Шаляпина, его ровесника Рахманинова. Пушкинская поэзия, пушкинское слово, пришедшие во многие русские оперы и романсы, сыграли не меньшую роль в формировании творческого облика Шаляпина, чем русская музыка. Через всю необходимую литературу о Шаляпине проходят высказывания о его поразительной дикции — не только об отчетливом, отчеканенном произнесении слова, но и о насыщенности его интонациями, никем до этого не понятыми.

Шаляпинский жест органически сочетался с музыкой и словом. Царские облачения душили Бориса Годунова — и к последним словам его, к трагической музыке Мусоргского добавлялись судорожные движения пальцев, раздиравших эти одежды в последней попытке освободиться от власти, завоеванной кровью ребенка, призрака которого так страшно, вызывая чувство ужаса у всего зала, кланялся Шаляпин.

Но был еще один эпизод, запомнившийся всем, кто присутствовал на представлении «Мозарта и Сальери» Римского-Корсакова. Когда застольная беседа идет уже к концу, Моцарт на фоне звучания почти всего (небольшого, правда) оркестра произносит знаменитые слова:

А гений и злодейство —
Две вещи несомненные.

Шаляпин, исполнявший роль Сальери, неожиданно вставал, вытягиваясь во весь свой громадный рост и как бы нависая над намерченной им жертвой, с поистине демонической силой восклицал:

Ты думаешь? —

и затем бросал яд в стакан Моцарта.

Эмоциональный диапазон Шаляпина был беспредельным. Он был шедшим на смерть во имя свободы Отчизны русским крестьянином Иваном Сусаниным, бесстрашным витязем Русланом, погружавшимся в невыразимо прекрасные раздумья о человеческой жизни, беспутным князем Владимиром Галициным, могучим и царственным Олоферном, истовым и мудрым летописцем Пименом. Краткие, но, как всегда, подневесные слова о шаляпинских Грозном и Годунове находим мы в «Летописи моей музыкальной жизни» Римского-Корсакова. Воскрешая мысленно чреду созданных Шаляпиным образов, невольно задумываешься над трагедийной сценой, поражающей во многих из этих образов и служащей неизменно одной цели — раскрытию их человечности.

Понимание неотразимой силы слова сказало и в тех партиях, которые Шаляпин пел на итальянском и французском языках. Среди этих партий выделяется своей глубоко своеобразной интерпретацией партия Дон-Кихота, образ которого у Шаляпина приобрел черты трагического благородства и лирической возвышенности. Именно благодаря Шаляпину сентиментальная музыка Массе не преобразилась, и фильм, поставленный по этой опере, стал тоже шедевром.

Всюду, где бы ни находился, ни гастролировал Федор Шаляпин, он всегда опущал свою кровную связь с культурой своего народа. Так было и в последние годы его жизни вдали от родины, от той земли, прикасаясь к которой по возвращении из зарубежных поездок слезами счастья плакал Чайковский. Мысли Шаляпина постоянно устремлялись к ней. Он с любовью и гордостью по радиопередачам и газетам, по книгам и кинофильмам следил за преобразованием Советской России, радовался всему новому, что в ней создавалось и вершилось. Он никогда не разделял взглядов русских белоэмигрантов и отменял все их попытки сблизиться с ним. В письме из Нью-Йорка к дочери Ирине Шаляпин писал: «Жалко мне их, этих бедных, убогих эмигрантов. Никогда еще так ярко они не показывали мне свое ничтожество, и я думаю, что Россия совершенно ничего не потеряла с уходом из нее этих чудес с большими животами и маленькими головками!»

Имя Федора Шаляпина неотделимо от русской и советской культуры.

Игорь БЭЛЗА,
композитор, историк музыки

Сегодня — 100 лет

со дня рождения

Ф. И. ШАЛЯПИНА

СТРАНИЦА ЖИЗНИ

В Центральном государственном историческом архиве СССР найдены новые материалы, связанные с жизнью Федора Ивановича Шаляпина. Среди них — его письмо директору императорских театров В. А. Теляковскому, подписанный Шаляпиным отсчет о состоянии лазарета для раненых солдат.

Этот лазарет был организован Ф. И. Шаляпиным в Петрограде в октябре 1914 года, вскоре после начала войны. Деньги на его оборудование и содержание полностью предоставил он же.

В лазарете было 20 коек. Раненые получали медицинскую помощь, питание и полное обслуживание. Здесь производились и хирургические операции. Под непосредственным наблюдением Ф. И. Шаляпина лазарет просуществовал два года. В 1916 году артист вынужден был ходатайствовать о передаче лазарета в ведение какой-либо общественной или правительственной организации, так как стало очевидным: в условиях военного времени Шаляпин не мог обеспечить госпиталь всем необходимым.

Хотя это ходатайство было удовлетворено, лазарет продолжал существовать на средства Ф. И. Шаляпина и далее, несмотря на испытываемые им финансовые затруднения. В своем письме к Теляковскому он писал: «...Я, несмотря на всю значительность этого расхода для средств частного лица, не останавливаюсь перед новыми издержками на поддержание лазарета...»

Архивные документы еще раз свидетельствуют о душевной щедрости и широте характера артиста.

А. АРТЕМЬЕВА,
старший научный сотрудник
Центрального государственного исторического архива СССР

РЕДКИЕ ЗАПИСИ

14 января 1914 года специалисты популярного в ту пору «Пишущего амура» — русского филиала английской фирмы грампластинок — записали очередные восемь вокальных произведений в исполнении Ф. И. Шаляпина. «Ода Сафо» Брамса, русская народная песня «Было у тещеньки семеро зятя», «Прощальное слово» Слонкина, «На холмах Грузии» Римского-Корсакова, «Узник» Рубинштейна, «Вчера мы встретились» Рахманинова и другие романсы были запечатлены на восковых дисках. Для дальнейшей обработки и изготовления матриц эти пластины были отправлены в Англию.

3 апреля по просьбе Федора Ивановича был записан еще один вариант «Узника». Артисту всегда было свойственно стремление к поискам наиболее совершенной, на его взгляд, интерпретаций, он по многу раз возвращался к одним и тем же, казалось бы, «сделанным» произведениям. Так случилось и на этот раз — Шаляпин нашел иную интонацию и ритм в передаче пушкинского текста. Новый вариант «Узника» он порекомендовал фирме выпустить в свет одновременно с записанным раннее.

К сожалению, лишь несколько матриц с последними петербургскими записями попали обратно в Россию. Ненашедшая вскоре первая мировая война прервала коммерческие связи между Россией и Англией. После Октябрьской ре-

волюции предприятия «Пишущего амура» были национализированы, и с сохранившихся матриц уже в советское время печатались грампластинки, налеты Ф. И. Шаляпина.

Шли годы. На смену акустической пришла электрозапись, более совершенная и качественная. В связи с этим в середине двадцатых и начале тридцатых годов Шаляпин много записывался на граммофонные пластины, и о старых его фонограммах, сделанных в 1914 году и хранящихся в архиве английской фирмы, постепенно забыли. Только самые горячие поклонники таланта оперного певца и собиратели его дисков знали о том, что существуют где-то записи романсов «На холмах Грузии» и «Вчера мы встретились», но никто их никогда не слышал.

Сравнительно недавно для зарубежных коллекционеров были выпущены за границей небольшим тиражом долгоиграющие диски — воспроизводящие фонограммы 1914 года. Появились эти пластины и у некоторых ленинградских филофонистов.

В ближайшем будущем наиболее интересные из этих записей, в частности романсы Римского-Корсакова и Рахманинова, будут изданы массовым тиражом фирмой «Мелодия» на десятидюймовых записывающих пластинах «Искусство Ф. И. Шаляпина».

А. ПАВЛОВ

В ЭТИ ДНИ СОСТОЯТСЯ:

РОЛЬ БОРИСА ГОДУНОВА была одной из лучших в шаляпинском репертуаре. Сегодня опера Мусоргского «Борис Годунов» пойдет на сцене, на которой неоднократно звучал голос великого русского певца. Столетью со дня рождения Ф. И. Шаляпина посвящает этот спектакль Академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова.

3 МАРТА 1891 ГОДА Шаляпин выступил в партии певца-баса Бростолона в оперетте Миллекера «Бедный Ионафан», которая была показана труппой русской комической оперы и оперетты. Афиша спектакля воспроизведена в книге «Федор Иванович Шаляпин (биография и сценические образы)», выпущенной в 1915 году издательством журнала «Рампа и жизнь». На пожелтевших от времени страницах фотографии Шаляпина с Рахманиновым, шарж Федора Ивановича на итальянского певца Карузо... Это издание можно увидеть на выставке, которая открывается сегодня в Театральной библиотеке имени А. В. Луначарского. В витринах представлены многочисленные книги о певце, мемуары знавших его артистов, русские дореволюционные и советские журналы со статьями, посвященными Ф. И. Шаляпину, и в ЛЕНИНГРАДСКОЙ консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова будет проведено юбилейное заседание кафедр сольного

пения, оперной подготовки и музыкальной режиссуры. Доклады и сообщения о певце, записи и постановки им произведений прозвучат на заседании студенческого научного общества вокального факультета.

ЛЕКЦИИ-КОНЦЕРТЫ о жизни и творчестве прославленного мастера русской оперной сцены проведет Ленинсовет. Одна из них состоится сегодня для трудящихся Сестротрестского инструментального завода имени Воскова.

НА ЛИСТКЕ блокнота рукой Ф. И. Шаляпина записаны строки его любимого русского поэта. Той, кому они адресованы, уже нет в живых.

Уже не помню, кто из знакомых посоветовал побывать у доктора Е. А. Соболевой, встречавшейся с великим певцом. Узнав о цели моего прихода, она вынула из альбома несколько фотографий. Сразу бросилось в глаза спокойное, немного грустное лицо Федора Ивановича.

А потом хозяйка принялась рассказывать, вспоминая годы давние, времена нелегкие и тревожные.

— В 1918 году я работала главным врачом лазарета Красного Креста в Луге, куда попала после окончания Петроградского женского медицинского института. В этот небольшой городок, где постоянно жили на дачах артисты театров и где был свой театр, приехал летом Федор Иванович Шаляпин. Еще в годы мировой войны он организовал на свои средства несколько лазаретов и с тех пор всегда охотно выступал перед ранеными, платившими ему за выступления шумными овациями и самой искренней любовью.

Я много знала о певце от петроградских друзей, слышала его в оперных спектаклях, но лично встречаться с ним не приходилось. И вот неожиданно Федор Иванович согласился побывать у нас в гостях. Он приехал сразу после концерта в городском госпитале для раненых красногвардейцев. Следом за ним с букетом роз явился его друг и антрепренер

ПОИСКИ И НАХОДКИ

«НО И ЛЮБОВЬ — МЕЛОДИЯ...»

Исай Дворищин. С первых же минут знакомства создалась та непринужденная и веселая атмосфера, которую порождает даже беглая встреча молодости с человеком большого артистического дарования. За обеденным столом собрались коллеги по работе — врач, сестры. Мой муж М. М. Соболев, вооружившись фотоаппаратом, следил за каждым движением Федора Ивановича, стараясь «поймать» наиболее удачный кадр...

По просьбе хозяйки и гостей Шаляпин в тот вечер много пел. Его слушали и собравшиеся в саду раненые. Они просили «Дубинушку», «Блоху» Мусоргского, «Вдоль по Питерской».

Артист прожил у Соболевых несколько дней. Екатерина Александровна послала его в комнату с роялем и просторным балконом, обращенным к реке. Проснувшись, Шаляпин бежал с полотенцем к высокому берегу Луги и умывался с лодки, стоявшей на причале. Хозяйка опасалась, что гость может оступиться и утонуть. Он смеялся над ее страхами и говорил, что рожденному на Волге глубины Луги не страшны.

Друзья артиста всегда подчеркивали, что в его жизни и творчестве все было крупно, выпукло, талантливо и величаво. Как-то во время спора об артистическом темпераменте и вдохновении певец заявил: «Никогда не соглашусь с

Ф. И. Шаляпин в Луге в гостях у семейства Соболевых; автограф артиста, подаренный им Е. А. Соболевой.

англичанами, которые говорят: «Лучше маленький огонь, который нас согреет, чем большой, который нас сожжет». По мне лучше русскому человеку сверкнуть ярким метеоритом на жизненном небосклоне и погаснуть, чем всю жизнь коптить и чадить».

Однажды поздно вечером во время катания на лодке Шаляпин зашел «Из-за острова на стрежень». Время было тревожное, и громкое пение в непогоду привлекло внимание сторожа, который ходил по берегу и стучал в

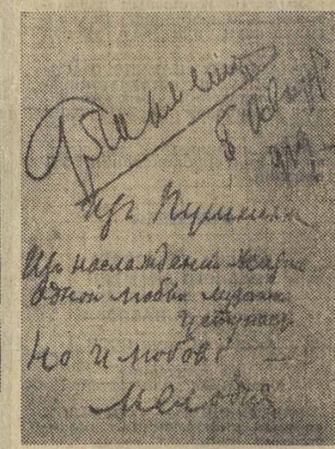
колодушку. Он окликнул поющего и потребовал «прекратить безобразия». Старик не знал, что поет знаменитый артист, и, когда Шаляпин назвал себя, не поверил, рассердился еще больше.

Неотложные дела звали певца в Петроград — он уехал.

В августе 1919 года Федор Иванович снова появился в Луге, дал концерт и затем прожил у Соболевых неделю. За год он заметно изменился внешне: похудел, на его лице читались то растерянность, то сосредоточенное раздумье. В

стране было голодно, обстановка осложнялась со дня на день. Шаляпин жаловался, что ему трудно петь в неотапливаемых помещениях, — можно сорвать голос. Концерты проходили неровно: то с шумным успехом, то при полупустых залах. «Тяжело жить в России в такое время, уезжать тоже тяжело. И все-таки надо бы уехать на два-три года», — говорил он.

Хорошо понимаю, что вне пределов родины не может быть для художника стимула к подлинному

творчеству, добавлял грустно: «Русскому певцу за границей не для кого петь».

В Луге Шаляпин жил в той же комнате, что и прошлым летом, много занимался, аккомпанируя себе на рояле. Ветераны, по просьбе Екатерины Александровны и ее друзей-коллег, давали небольшие домашние концерты. Пел «Сомнение» Глинки, «Элегия» Массе, «Блоху» и «Семинариста» Мусоргского, «Сожженное письмо» Кюи, «Бурный поток» и «Двойник» Шуберта. Пел полным голосом, его слышно было и в саду, и на реке. Временами целая «флотилия» лодок собиралась у берега. Слушая певца, люди шумно ему аплодировали. Сад заплотняли раненые в серых больничных халатах — многие вспоминали им на этих импровизированных концертах.

Поблагодарив хозяев за радушие и гостеприимство, Шаляпин вернулся в Петроград. Больше с ним Е. А. Соболева не встречалась. В 1920 году ее перевели в Харьков. Здесь она, уважаемый всеми врач-терапевт, проработала в одной из поликлиник почти полвека и скончалась летом 1970 года.

У нее видел я и сфотографировал для памяти автограф Федора Ивановича Шаляпина со строками из Пушкина: «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает. Но и любовь — мелодия...» А в верхней части листка размашисто: «Ф. Шаляпин. 5 августа 1919».

В. ГИТЕЛЬМАХЕР
ХАРЬКОВ